

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.50>

Кульсарина Ирена Галинуровна, Кульсарин Нур Галинурович

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ
БАШКОРТОСТАНА**

Статья посвящена раскрытию межэтнических связей и взаимодействий в разнонациональном устном творчестве народов Башкортостана. На примере опубликованных фольклорных текстов и полевых экспедиционных материалов авторов статьи рассматривается процесс сотворческого диалога разнонациональных культур в условиях полиэтнического региона. Особое внимание уделено двуязычным частушкам-такмакам и обрядовому фольклору, в которых наблюдаются взаимодействие и интеграция разнонациональных этнокультурных традиций. Башкирско-русские межэтнические взаимоотношения рассмотрены в топонимических преданиях и легендах, а также в паремиологическом репертуаре современных информантов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/1/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 213-217. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

13. **Строптивный Кулун Куллустуур** / олонхосут И. Г. Теплоухов-Тимофеев; перевод и подг. Г. У. Эргиса, И. В. Пухова. М.: Наука, 1985. 608 с.
14. **Типология народного эпоса: сборник статей** / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького; отв. ред. В. М. Гацак. М.: Наука, 1975. 327 с.
15. **Ястремский С. В.** Образцы народной литературы якутов. Л.: Наука, 1929. 226 с.

I. V. PUKHOV'S CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE YAKUT HEROIC EPIC TALE OLONKHO

Ilarionov Vasilii Vasil'evich, Doctor in Philology, Professor
Ilarionova Tuyara Vasil'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Dmitrieva Oksana Nikolaevna, Ph. D. in Philology
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
445325@mail.ru; oksanadm2006@mail.ru

The purpose of the article is to reveal the contribution in the domestic folklore of I. V. Pukhov, the founder of the comparative study of the Siberian peoples' epic tales, the author of the books "Yakut Heroic Epic Tale Olonkho. The Main Images", "From Folklore to Literature". The authors attempt to cover the outstanding Olonkho researcher's full bibliography. The paper ascertains that in his writings, V. I. Pukhov drew attention not only to the problems of studying the Olonkho genesis, but also to the issues of the historical and genealogical links of the Yakut epic tale with other Turkic peoples' epic tales. His theoretical generalizations open up broad perspectives for studying the genesis, poetics, style of Olonkho in connection with the Turkic-Mongolian peoples' epic tale.

Key words and phrases: folklore; heroic epic tale; Olonkho; poetic images; archaic forms; I. V. Pukhov.

УДК 82; 398

Дата поступления рукописи: 04.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.50>

Статья посвящена раскрытию межэтнических связей и взаимодействий в разнонациональном устном творчестве народов Башкортостана. На примере опубликованных фольклорных текстов и полевых экспедиционных материалов авторов статьи рассматривается процесс сотворческого диалога разнонациональных культур в условиях полиэтнического региона. Особое внимание уделено двуязычным частушкам-такмакам и обрядовому фольклору, в которых наблюдаются взаимодействие и интеграция разнонациональных этнокультурных традиций. Башкирско-русские межэтнические взаимоотношения рассмотрены в топонимических преданиях и легендах, а также в паремнологическом репертуаре современных информантов.

Ключевые слова и фразы: межэтнические связи; фольклор народов Башкортостана; башкирско-русские контакты; обрядовый фольклор; топонимические предания; частушки-такмаки.

Кульсарина Ирена Галинуровна, к. филол. н., доцент
Кульсарин Нур Галинурович, к. филол. н.
Башкирский государственный университет, г. Уфа
kulsarina-bgu@yandex.ru; kulsarin-nur@yandex.ru

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ БАШКОРТОСТАНА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Фольклор народов Башкортостана: межэтнические связи и этноязыковая специфика» (проект № 18-412-020021 p_a).

Проблема исследования межэтнических связей в фольклоре остается одним из актуальных и перспективных направлений современной отечественной филологии. Формы и специфика отражения межкультурных контактов в фольклоре Башкортостана в разных аспектах были проанализированы в исследованиях Л. Г. Барага [3], Л. И. Брянцевой [4], М. Х. Мингажетдинова [10], Р. А. Султангареевой [12], Г. Р. Хусаиновой [13] и других ученых-фольклористов республики [5; 8; 9]. Интенсивное научное изучение разнонационального фольклора полиэтнического Башкортостана проводилось во второй половине XX века. Так, в издаваемом Башкирским государственным университетом сборнике «Фольклор народов России» имелась специальная рубрика «Межэтнические фольклорные связи», были защищены диссертации, опубликованы монографии, посвященные выявлению национальной специфики, интернациональных основ и художественного своеобразия произведений башкирского, русского, татарского, чувашского фольклора, бытующего на территории республики. Межэтнические связи сказочной прозы горнозаводского Башкортостана и Южного Урала были научно проанализированы Б. Г. Ахметшиным [2], разным формам взаимодействия обрядовых и необрядовых песен русских, украинцев, белорусов и частично тюркских народов посвящены работы Ф. Г. Ахатовой [1], взаимосвязь русских частушек с башкирскими и татарскими такмаками ярко раскрыта в сборниках и монографиях И. Е. Карпухина [7].

Тексты, записанные нами в последние годы в районах республики, свидетельствуют о том, что в условиях полиэтнического региона происходит процесс сотворческого диалога разнонациональных культур.

Длительное совместное проживание на одной территории представителей разных национальностей, активное функционирование билингвизма в обществе стали хорошей предпосылкой для возникновения общих тем и мотивов в фольклорном репертуаре, а также сближения разноязычных устных традиций.

Особенно ярко репрезентированы межэтнические связи в песенном творчестве современных информантов. Одной из примечательных особенностей записанных нами песен и такмаков на башкирском языке является использование в их словесной канве русской лексики. Например:

«Анау килгән машинаға
Тейәгәндәр тетерадь.
Урман якын, коштар һайрай,
Һағындыра ифырат» (букв.: «На подъезжающую ту машину // Загрузили тетради. // Близок лес, птицы поют, // Скучается очень сильно»);

«Урам беззә улица,
Тауык беззә курица.
Әтәс беззә петуха,
Егет беззә чепуха» (букв.: «Улица у нас улица, // Курица у нас курица. // Петух у нас петуха, // Парень у нас чепуха») (записано от З. Х. Аскаровой-Кульсаринной, 1953 г. рожд., Стерлибашевский район, деревня Нижний Аллагуват).

Имеются случаи включения в текст башкирских частушек-такмаков русских имен:

«Кулымдағы йөзөгөмдөн
Исемдәре Иван түгел.
Киләһең дә һөйәләһең,
Мин һинә диван түгел» (букв.: «На моих руках колечко // Не зовут Иваном. // Подходишь и присло-
нешься ко мне, // Я тебе не диван») (записано от Р. Н. Хамитовой, 1959 г. рожд., деревня Шарипкулово, Кармаскалинский район).

Использование русской лексики в приведенных примерах связано с целью создания рифмы в куплетах (тетерадь – ифырат, улица – курица, петуха – чепуха, Иван түгел – диван түгел), в то же время они ярко репрезентируют русско-башкирские межнациональные взаимоотношения.

Среди старшего поколения сохранились песни о зимагорах – людях, которые занимались на заработки в зимнее время. В ней русская лексема «зимагор» трансформирована в «зимагур»:

«Зимагур булды баштарым,
Бер нужна ла күрмәнем.
Караңғы төн, яуа ямғыр,
Өстөмдә бер күлмәгем» (букв.: «Судьба моя – зимагорная, // Не видел нужды. // Темная ночь, идет дождь, // На теле одна рубаха») (записано от С. Г. Давлетбаевой, 1936 г. рожд., деревня Кулляроро, Кармаскалинский район).

При этом часто наблюдается явление фонетической интерференции в заимствованных лексемах: тетерадь (вместо: тетрадь), нужна (вместо: нужда), петуха (вместо: петух). Во многих случаях подобное искажение русских слов обусловлено целью создания рифмы и ритма в строках куплета.

В записанных нами частушках от жителя деревни Ефремкино Кармаскалинского района О. А. Дмитриевой, 1930 г. рожд., в одной строфе присутствует лексика двух, а иногда и трех языков. Например, половина строфы состоит из фраз на русском языке, а другая половина куплета – на татарском:

«Лодка идет, лодка идет,
Лодка идет – эзе юк.
Хаты килә, сүзе килә,
Сөйләшергә үзе юк» (букв.: «Лодка идет, лодка идет, // Лодка идет – нет следа. // Письмо приходит, слова доходят, // Нет самого, чтоб поговорить»).

Ольга Алексеевна хорошо знает три языка: свой родной – чувашский, а также русский и татарский языки. Этим объясняется использование фраз на трех языках в следующей частушке:

«Рано утром петух поет,
Аван авятать,
Әллә таң атамь икән?
Чүрече асып,
Платок махнет,
Әллә яратамь икән?» (букв.: «Рано утром петух поет // Петух кукарекает, // Не то приближается рассвет? // Окно открыв, // Платок махнет, // Может, влюбился?»). Отметим, что это не единственный образец трехязычной частушки в репертуаре О. А. Дмитриевой.

Бытование среди современных информантов двуязычных и трехязычных частушек ярко свидетельствует о тесных межэтнических контактах, обусловленных в первую очередь соседством в быту и интернациональными браками. Об этом поет и сам народ:

«Ой, подруженька, беда...

В татарина влюбилась.

Поговорка “Кил мында!”

Три недели снилося» (записано от Марии Анисимовны Токаревой, 1929 г. рожд., деревня Камышлинка, Кармаскалинский район).

Двуязычные частушки нами были записаны также в Еркееевском районе в селе Спартак от Зинаиды Леонтьевны Ивановой (1936 г. рожд.) на русском и чувашском языках, в селе Купченеево от Ефросиньи Николаевны Макаровой (1929 г. рожд.) на русском и удмуртском, на татарском и удмуртском языках. Примечательно, что в репертуаре многих нерусских информантов имеются русские частушки и песни, встречаются также образцы несказочной прозы.

Особенно ярко запечатлены межэтнические связи в сюжетах топонимических преданий и легенд. Практически в каждом населенном пункте сохранились и бытуют устные рассказы о взаимоотношениях разных этносов, что рельефно отражено и в названиях географических объектов. Так, скала и пещера Антона в Бурзянском районе, камень Пугачева и Салавата в Белорецком районе и другие топонимы ярко свидетельствуют о башкирско-русских контактах. В записанном нами в Белокайтском районе от А. З. Куликовой, 1925 г. рожд., топонимическом предании о происхождении названия села Емаши повествуется о том, как братья Смольниковы, бежавшие «от кары Емельяна Пугачева», оказались на берегу неизвестной лесной речки, срубили там из корабельных сосен две избы и остались жить навсегда. «В один из дней Василий Смольников услышал крики, доносившиеся с реки. Спустившись к воде, он на левом берегу увидел башкира, который что-то говорил на своём языке. Смольников впервые в жизни услышал башкирскую речь и ничего не понял. Тот знаками стал объяснять, что ему нужно переправиться на правый берег. Смольников срубил высокую ольху. Дерево упало, зацепившись вершиной за левый берег. По этому мостку башкир переправился через реку. Показывая на себя, он произнёс:

– Минем исемем Ямаш (Меня зовут Ямаш).

Однако разговора не получилось. Тут Смольников вспомнил, что один из братьев Черепановых кумекает по-башкирски и повёл “гостя” к нему. Встреча состоялась на пригорке у ключа. Оказывается, башкира зовут Ямаш и живет он у большой реки Ай в деревне Тимеряк. А река, на правый берег которой он перебрался, называется Ик. Ямаш также сообщил, что земли по обеим сторонам реки – его владения. Еще он сказал, что русские могут жить здесь, но должны снабжать его мясом и хлебом. Те согласились. По-видимому, это происходило в 1775-1776 годы. Свое новое жилище переселенцы назвали в честь принявшего их башкира, слегка изменив его имя. Отсюда и пошло наше село Емаши» [11, с. 85-86]. Аналогичный рассказ мы услышали и о селе Карлыханове вышеназванного района, получившем свое название по имени смуглолицего бая башкира Карахана, на землях которого поселились русские из Пермского края, основали село, назвали его Карлыхан, как им послышалось, или на свой лад переименовали имя бая [Там же, с. 89-90]. Имена русских первопоселенцев сохранились в названиях многих исчезнувших из-за переселения в другие большие деревни хуторов: Никифар утары (хутор Никифора) в Стерлибашевском районе, Иван Кузнец утары (хутор кузнеца Ивана) в Кармаскалинском районе и т.д. Встречаются топонимы с использованием слова «урыс/русский», указывающего на проживание в той местности русского населения: «урыс яланы» (букв. русская поляна, т.е. поляна, находящаяся вблизи или на территории русской деревни); «урыс осо» (букв. конец улицы или деревни, где живет русскоязычное население). Так, в деревне Старые Киешки Кармаскалинского района информанты (Ф. Н. Саттарова, С. Г. Абсаликова), раскрывая историю происхождения народного названия улицы Озерная «Урыс осо», вспомнили рассказы предков, как в прошлом на окраине их татарской деревни жила семья Аксаковых. Отец будущего писателя С. Т. Аксакова купил в здешних местах землю и основал русскую деревню Сергеевка, которая закрепилась в народной памяти как «Урыс осо». В башкирской деревне Нижние Лемезы Иглинского района существует мост Михаила, названный в честь крещеного татарина Михаила, а название деревни Еланьш Белокайтского района, где в основном проживают русские, связано со словом тюркского происхождения «елян» – змея. В истории большинства русских селений республики отразились события переселения русских, марийских, чувашских, украинских и удмуртских крестьян в Башкирию, особенно в пореформенный период. Так, по рассказам Ольги Алексеевны Дмитриевой (1930 г. рожд.), село Ефремкино Кармаскалинского района образовалось при озере Денис-куль. Раньше в этих местах жили башкиры, а потом население села сформировалось за счет чувашских переселенцев и стало называться именем первопоселенца Ефрема. В настоящее время народ называет свою деревню по-чувашски Тинёскүл.

В названии горы «Мына (мана) гора» Иглинского района также отразились башкирско-русские контакты. По рассказам старожилов, в далекие времена, когда русские переселенцы появились в здешних краях, они попросили у башкирского старшины место для поселения, тот, указав на возвышенность, сказал: «Мына гора, там и живите!». Старшина знал перевод слова «тау/гора», а указательное местоимение «бына/мына» («вот») не смог сказать по-русски. С тех пор гора носит такое необычное название. В деревне Нижние Лемезы нам довелось записать топонимы, имеющие в своем составе русские антропонимы. Так, название озера Пеньково связывают с фамилией мужчины, утонувшего когда-то в этом водоеме, а в деревнях Блохино, Шипово жили семьи с такими фамилиями. В названии села Чуваш-Кубова Иглинского района также ярко запечатлены межкультурные связи. Как свидетельствуют информанты, село было основано башкирами Кубовской волости Ногайской дороги. Впоследствии на этих землях заселились ясачные марийцы, а затем чувашаи.

В наши дни процесс межнационального сотворческого диалога в фольклоре ярко проявляется в массовых гуляниях, которые постепенно приобретают интернациональную форму. Такие мероприятия, основанные

на народных обрядах и обычаях, как Масленица, Сабантуй, отмечаются всенародно и представляют собой интеграцию культур различных этнических групп. В сценарии указанных праздников активно внедряются элементы обрядов разных этносов, исполняются песни и танцы всех национальностей, проживающих в регионе. Эти мероприятия стали механизмом межнационального единения, дружбы народов и взаимопонимания, а также приобщения молодого поколения к истории и национальной духовности.

Популярными среди населения становятся такие фольклорные праздники, как Шэжэре байрамы (праздник родословной), праздник Иван-чая, «Кукушкин чай», «Воронья каша» и т.д. Это связано с проведением фольклорных конкурсов и фестивалей в районном и региональном масштабах, а также с активной работой национально-культурных центров. В селе имени 8 марта Ермакеевского района нам удалось записать от З. С. Цыгановой (1953 г. рожд.), Ф. Н. Мардамшиной (1949 г. рожд.) сценарий праздника Иван-чая, а в Кармаскалинском районе участники ансамбля «Бөрлөгән» («Ежевика») продемонстрировали сценки, связанные с аграрным календарным фольклором. Популярны среди народных певцов и авторские песни, созданные на основе фольклорных традиций.

В настоящее время в духовной культуре народов края важное место занимают религиозные праздники. Забытые в советскую эпоху, а теперь ставшие неотъемлемой частью повседневной жизни многих людей, эти обряды и обычаи претерпели некоторую трансформацию, в то же время расширили конфессиональные границы. Если об особенностях мусульманских праздников Курбан-байрам (праздник жертвоприношения), Ураза-байрам (праздник окончания поста) хорошо осведомлены и русские информанты, то о содержании таких православных праздников, как Троица, Пасха, Рождество знают многие башкиры и татары. Это явление объясняется не только тесными межкультурными коммуникациями, протекающими в современном обществе, но и активной пропагандой народных традиций в средствах массовой информации. Как показывает практика, некоторых календарных православных примет придерживается в быту и тюркоязычное население. Например, «посадить огород до Троицы», «после Ильина дня нельзя купаться в водоемах» и другие образцы народной мудрости хорошо знакомы многим.

Межэтнические взаимодействия прослеживаются и в семейно-бытовом фольклоре. Ярким свидетельством тому служит присутствие в современных свадьбах элементов свадебно-обрядового фольклора разных этносов. Например, в башкирских свадьбах встречаются элементы как исконно национальных обрядов и обычаев (килен төшөрөү, һыу юлы, килен сәйе, кейәү сәйе), так и заимствованные эпизоды (битье посуды на счастье, прятание обуви невесты, пение русских песен и частушек, сопровождение застолья возгласами «Горько!» и т.д.). Как было указано И. Е. Карпухиным, свадьба любого народа Башкортостана, живущего в непосредственной близости с другими народами или же в их окружении, при определенных попытках самосохранения испытывает воздействие свадеб последних и сама воздействует на них, что приводит к выработке новых типов или подтипов свадьбы с иной расстановкой свадебных картин и действующих лиц, с иными пространственно-временными факторами и фольклорно-поэтическим материалом [6, с. 7]. По мнению ученого, в ходе взаимодействия фольклорных элементов происходит творческий процесс, приводящий к взаимообогащению свадебных фольклорно-игровых комплексов разных этносов.

Башкирско-русские межэтнические связи наблюдаются и в малых жанрах фольклора. Например, в башкирских паремиях: «Урыс улын һөйләһә, мәрйә кызын кыстыра» (букв.: «Когда русский про сына говорит, русская женщина – про дочь», в смысле: Ему говоришь про попу, а он про попову дочку); «Герәздән кенәз булған» (букв. «Из грязи – в князи»); «Питрау үтте – йәй үтте» (букв. «Петров день прошел – лето закончилось»); «Покрау етте – кыш етте» (букв. «Наступил Покров – зима пришла»).

Таким образом, в условиях полиэтнической культурной среды фольклорные произведения народов башкирского края в целом сохранили свои художественные и жанровые особенности, вместе с тем подверглись влиянию местных традиций.

Список источников

1. Ахатова Ф. Г. Восточнославянские песни в Башкортостане (фольклорные процессы в многоэтничном регионе). М.: Наука, 2006. 286 с.
2. Ахметшин Б. Г. Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала: монография. Уфа: Китап, 2001. 288 с.
3. Бараг Л. Г. О межнациональном в сказках восточнославянских народов // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1974. Вып. 1. С. 69-80.
4. Брянцева Л. И. О взаимосвязях русского и украинского свадебного фольклора современной Башкирии // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1975. Вып. 2. С. 181-186.
5. Галиева (Ахатова) Ф. Г. Календарно-обрядовые традиции восточнославянских народов Башкортостана в межэтническом историко-культурном диалоге // Диалог культур народов Башкортостана: политико-правовые, исторические и социокультурные аспекты. Уфа, 2009. С. 158-166.
6. Карпухин И. Е. Свадьба русских Башкортостана как фольклорно-игровой комплекс: вопросы поэтики и межэтнических взаимодействий: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1998. 49 с.
7. Карпухин И. Е. Частушки в Башкортостане на рубеже тысячелетий (состояние, поэтика, межнациональное сотворчество): монография. Уфа: АН РБ; Гилем, 2011. 218 с.
8. Кульсарина И. Г. Идеино-тематическое и художественное своеобразие частушек северо-восточных районов Башкортостана // Актуальные проблемы современной башкирской филологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 189-193.
9. Кульсарина И. Г. Современное состояние традиционного фольклора русского населения Республики Башкортостан (на материале северо-восточных районов) // Актуальные проблемы истории, археологии, этнологии и культуры Башкортостана: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 376-380.

10. Мингажетдинов М. Х. Художественные функции русских слов в башкирских сказках // Расцвет, сближение и взаимообогащение культур народов СССР: материалы межвузовской научной конференции (3-5 марта 1969 г.). Уфа: Изд-е БашГУ, 1970. Вып. 2. С. 201-207.
11. Современное состояние преданий, частушек и быличек северо-восточной Башкирии: сборник фольклорных текстов / сост. Б. Г. Ахметшин, И. Г. Кульсарина, Н. Г. Кульсарин. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 212 с.
12. Султангареева Р. А. Жизнь человека в обряде: фольклорно-этнографическое исследование башкирских семейных обрядов. Уфа: Гилем, 2005. 344 с.
13. Хусаинова Г. Р. Украинская тема в башкирской фольклористике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (46). Ч. 2. С. 213-215.

INTER-ETHNIC RELATIONS AND INTERACTIONS IN FOLKLORE OF THE PEOPLES OF BASHKORTOSTAN

Kul'sarina Irena Galinurovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Kul'sarin Nur Galinurovich, Ph. D. in Philology

Bashkir State University, Ufa

kulsarina-bgu@yandex.ru; kulsarin-nur@yandex.ru

The article is devoted to the disclosure of inter-ethnic relations and interactions in the multi-national folklore of the peoples of Bashkortostan. Using the example of published folklore texts and field expedition materials the authors examine the process of the co-creative dialogue of multi-national cultures in the conditions of the polyethnic region. Particular attention is paid to bilingual chastushkas-takmaks and ritual folklore, in which the interaction and integration of multi-national ethno-cultural traditions are observed. The paper considers the Bashkir-Russian inter-ethnic relations in toponymic tales and legends, as well as in modern informants' paroemiological repertoire.

Key words and phrases: inter-ethnic relations; folklore of Bashkortostan peoples; Bashkir-Russian contacts; ritual folklore; toponymic legends; chastushkas-takmaks.

УДК 82-14(470.4)(045)

Дата поступления рукописи: 11.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.44>

В статье анализируется любовная лирика Р. К. Орловой с акцентированием внимания на выявлении специфики образа лирической героини, выступающей в качестве выражения авторского сознания в лирике поэта и обуславливающей субъективно-исповедальный характер произведений. Впервые исследуется эволюция характера образа лирической героини от романтика в ранних произведениях до умудренной опытом в более поздних стихотворениях. Доказывается, что безграничная и бесконечная женская любовь – движущее начало орловской лирики, основная доминанта ее лирической героини. В работе проанализированы отдельные стороны поэтики творчества Р. К. Орловой.

Ключевые слова и фразы: Р. К. Орлова; любовная лирика; лирическая героиня; авторское сознание; внутренний мир; романтизм; поэтика.

Налдеева Ольга Ивановна, д. филол. н., доцент

Азыркина Елена Ивановна, к. филол. н., доцент

Дьячкова Елена Николаевна

Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

naldeeva_oi@mail.ru; elenaazyrkina@yandex.ru; dyachkova_92@inbox.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ Р. К. ОРЛОВОЙ

Любовная лирика занимает огромный пласт в мировой литературе. У каждого автора свое видение любви, пропущенное через призму собственного «я», поэтому темы лирических произведений, образы романтических героев многочисленны и многогранны. Основным отличием любовной лирики является то, что она отражает пристрастное или субъективное суждение автора. Чувство любви предстает в лирических текстах в разных ипостасях: взаимная и безответная, давно ушедшая и только зарождающаяся. Основной функцией любовной лирики становится передача многообразия человеческих чувств и любовных переживаний, она наполнена романтическими образами. В современной мордовской поэзии тема любви также занимает значительное место. Об этом свидетельствуют научные изыскания С. П. Гудковой [2], С. Н. Степина [10] и других. Ряд работ принадлежит авторам статьи [1; 3-6]. Любовная лирика мордовских авторов имеет свою хронологию. Так, в произведениях зачинателей, как и в устном народном творчестве, интимное чувство достаточно редко являлось объектом изображения. Свободное чувство любви зачинатели связывали с независимостью, которую обрели герои в связи с революционными событиями. «Широкий резонанс любовная тематика получает в годы Великой Отечественной войны. Она стала той силой, которая заставляла солдат идти в атаку, сражаться до последних сил и приводила к победе. В 50-70-е годы XX века любовь уступает свои позиции гражданско-патриотической лирике» [6, с. 51].

В поэзии конца XX – начала XXI века любовная лирика становится доминирующей в творчестве молодых авторов, особенно женщин. Примером является творчество Р. К. Орловой, Л. Ф. Дергачевой,